

УДК 623.612

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ИСТОРИЧЕСКИ ВАЖНЫЙ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕГИОН, ВЛИЯЮЩИЙ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИИ**А. Г. Воротыло, В. Ю. Семин, А. Ю. Трофимов**

В статье рассматривается историческое значение Северо-Кавказского региона для России.

На протяжении практически всей своей истории Кавказ был объективно вовлечен в процессы геополитической и, прежде всего военно-политической экспансии. Логика борьбы заставляла Россию стремиться к установлению стабильных границ, которые можно было бы защищать. Важнейшей доминантой российской политики являлось стремление к ликвидации источников угроз с кавказского направления. Именно в этом заключался смысл всей кавказской политики России на протяжении столетий. Таковым он продолжает оставаться и в настоящее время.

Ключевые слова: Россия, Северо-Кавказский регион, Европа, Центральная Азия, Средиземноморье, Суэцкий канал, Гибралтарский пролив, Азовское море, Каспийское море, Черное море, Китай, Персия, Индия, Турция, Иван Грозный, кабардинский род Темрюковичей, Петр I, Крымское ханство, Украина, Польша, река Сунжа, Дон, Волга.

Для Российской Федерации геополитическая ценность Северного Кавказа связана с его положением как связующего транспортного коридора между Европой и Центральной Азией. Данный регион предоставляет стране доступ сразу к трём морям – Чёрному, Каспийскому и Азовскому. А через бассейны Азовского и Чёрного морей открывается путь в Средиземноморье, а затем – к Гибралтару и Суэцкому каналу. Иными словами, Северный Кавказ играет роль передового рубежа России на главных транспортных магистралях, соединяющих Европу с Центральной Азией, что придаёт ему исключительное геостратегическое и хозяйственное значение. Дополнительный вес этому региону придаёт то обстоятельство, что именно отсюда на протяжении долгой истории России постоянно исходила военная угроза. В течение многих столетий эти пространства представляли собой огромные степные массивы, где кочевали бесчисленные племена, сеявшие разрушения и гибель среди русских городов и деревень. Вынужденная логика самосохранения побуждала наше государство к созданию прочных, поддающихся обороне границ, однако вплоть до Кавказского хребта, берегов

Чёрного и Каспийского морей на юге таких надёжных рубежей не существовало. Именно по этой причине важнейшим вектором всей политики России было стремление нейтрализовать очаги угроз с кавказского направления. В этом, собственно, и состояла суть кавказской стратегии империи на протяжении многих эпох, и она не утратила актуальности и сегодня. Нынешнее ухудшение обстановки на Северном Кавказе напрямую вытекает из системных усилий по выдавливанию России из этого региона путём организации бандитской и террористической активности международных и чеченских радикалов. Как пишет в своей работе «Геополитическая экспансия России на Кавказе в XVI–XX веках» Игорь Валентинович Бочарников, практически на всём протяжении своей истории Кавказ неизменно втягивался в орбиту геополитической, и прежде всего военно-политической, экспансии. Занять Кавказ, утвердить там своё главенство стремились, по сути, все сопредельные с ним государства и аналогичные им политические структуры, ставившие перед собой цель расширить подконтрольные им территории и взять под свой надзор ключевые транспортные и

торгово-экономические магистрали, которые сходились именно на Кавказском перешейке. Здесь проходили древние торговые маршруты из Европы в Персию и Индию, а также знаменитый «Шёлковый путь», соединявший Европу с Китаем. Следовательно, власть над Кавказом и политическое верховенство в регионе сулили огромные экономические выгоды. Всё это закономерно вело к тому, что на Кавказский перешеек возникали притязания со стороны самых разных центров экономической и военной силы.

Если говорить о самых ранних попытках военно-политического проникновения в регион, то следует прежде всего упомянуть военные походы на Кавказ персидской династии Ахеменидов (V-IV вв. до н.э.). Понтийское царство эпохи Митридата IV, господствовавшее во II-I вв. до н.э. в районе Причерноморья, включая черноморское побережье Кавказа, после своего поражения уступило регион Риму. В первом столетии нашей эры большая часть Кавказа оказалась под сарматским контролем, а в IV веке – под властью гуннов. VII век стал временем начала экспансии арабских халифатов в регионе. Последующая судьба Кавказа оказалась напрямую связана с доминированием на Северном Кавказе Хазарского, а затем Половецкого каганатов, а после монголо-татарского нашествия – с владычеством тюркских завоевателей от Чингисидов (начало XIII столетия) вплоть до Тимура (конец XV века). В дальнейшем, на протяжении XVI-XVIII веков, Кавказский перешеек стал полем ожесточённой борьбы между Персидской и Османской державами. Наконец, со второй половины XVIII столетия здесь развернулось масштабное военно-политическое, экономическое и цивилизационное наступление Российского государства, которое поставило себе целью обезопасить южные пределы, сломать военно-политическую и торговую блокаду на этом направлении, а также осуществить провозглашённую в концепции «Москва – III Рим» мессианскую задачу – помогать единоверным на-

родам Кавказа освободиться от религиозного гнёта и физического уничтожения. Реализации этого комплекса целей и была посвящена вся кавказская политика России. При этом ключевой характеристикой российской экспансии на Кавказе оставалось то, что она носила преимущественно военно-оборонительный характер по своему исходному импульсу и побудительным причинам.

Кавказ долгое время был для России одним из самых уязвимых в смысле безопасности направлений. Фактически на всём протяжении XVI-XVII веков южное и юго-восточное пограничье Русского государства выглядело как бескрайняя степь, по которой непрерывно передвигались кочевники, приносявшие смерть и разграбление русским селениям и городам. Обстоятельства борьбы заставляли страну искать пути к обретению стабильных, оборонопригодных границ. Но вплоть до Кавказских гор, Чёрного и Каспийского морей на юге таких границ попросту не было» [1, с. 26]. Вот в чём заключался первоначальный смысл всей многовековой кавказской политики России.

Напряжённая военно-политическая ситуация на Кавказе, его хроническая вовлечённость в войны и столкновения, присутствие в регионе агрессивных, враждебных России военно-государственных структур настоятельно диктовали необходимость обеспечения военной безопасности страны именно на этом направлении. Стоит напомнить, что Московское государство, освободившись в 1480 году от ордынской зависимости, тем не менее не избавилось от постоянной военной опасности, исходившей от наследников распавшейся Золотой Орды – Казанского, Астраханского, Крымского ханств и, непосредственно на кавказском направлении, от Ногайской орды. Однако если на западе и востоке русские земли были прикрыты лесными массивами, то «степные просторы на юге России во многом облегчали кочевникам регулярные набеги» [1, с. 34]. Не защищённые естественными преградами южные рубежи, бли-

зость к подвижным военно-феодалным образованиям порождали для Русского государства непрерывную военную угрозу. Причём эта угроза нависала не только над пограничьем, но и над самыми жизненно важными центрами страны, включая столицу.

Наиболее опасным для Русского государства в ту эпоху было черноморское кавказское направление, которое в тот период представляло собой цепочку турецких опорных пунктов, превратившихся уже к середине XVI столетия в небольшие крепости – Сухум, Гагры, Темрюк и подобные. На этой территории турками при прямом участии крымских татар и некоторых кавказских сообществ была фактически восстановлена работорговля, причём основную массу захватываемых в невольники людей составляли жители степных районов России, Польши, а также христианское население Армении и Грузии. Начиная уже с XVI века «турки и крымский хан ежегодно вывозили с Кавказского побережья более 12 тысяч рабов» [2]. Эти цифры, бесспорно, выглядят впечатляюще и показательны, особенно если учесть стремительный подъём в ту пору и Турции, и Крымского ханства, базировавшийся исключительно на рабском труде.

Становление и последующее развитие Российского государства объективно требовало обеспечения военной безопасности, а значит – активизации военно-политических усилий именно на кавказском направлении, которое являлось одним из самых угрожаемых и плохо защищённых. Данное обстоятельство сыграло решающую роль в старте внешнеполитической экспансии России на Кавказ, начавшейся фактически с момента образования единого централизованного Российского государства, то есть с конца XV – начала XVI веков. Этот этап экспансии характеризовался главным образом поиском военно-политических контактов с региональными государственными образованиями.

Именно ко времени правления Ивана Грозного, который первым среди российских правителей осознал значение Кавказа для обороны молодого Московского царства, следует отнести прямые истоки российской экспансии в регионе. Огромную историческую роль здесь сыграл брак Ивана Грозного в 1561 году с дочерью кабардинского князя Темрюка. Этот брак по праву можно считать важнейшим политическим шагом русского царя, направленным на укрепление российских позиций на Кавказе. Его следствием стало принятие Кабарды (наиболее развитого в регионе в государственном и военном отношении образования) под российский протекторат. Через родство с влиятельным кабардинским родом Темрюковичей московский государь приобрёл в лице кабардинских князей и самой Кабарды стратегического партнёра в борьбе не только с местными военно-феодалными структурами, но и с доминировавшими тогда в регионе Турцией и Персией.

Обретя, таким образом, своего рода опору в лице Кабарды на Центральном Кавказе, Русское государство по сути заявило о своих претензиях в кавказских вопросах и о намерении преодолеть военно-политическую блокаду, искусственно созданную на этом направлении региональными державами и в первую очередь Турцией. В дальнейшем, как отмечает автор капитального исследования «Кавказская война» генерал русской армии В. А. Потто, практически все российские монархи стремились к закреплению своей власти на Кавказе. «Мысль о господстве на Кавказе становится наследственной в русской истории» [3, с. 14].

Этому в значительной мере способствовал и стихийно протекавший процесс возникновения на юге страны казачества, чьё историческое предназначение состояло не только в антифеодалном протесте внутри России, но и в необходимости ограждать «русскую землю» от бесконечных кочевнических набегов. В первую очередь это относится к старейшему в

стране донскому казачеству, которое веками прикрывало южную степную полосу России на отрезке от Дона до Волги. Впоследствии стихийно сформировавшееся донское казачество превратилось в важнейший рычаг государственной политики, в том числе и на кавказском направлении. Столь же стихийно и естественно казачество возникло и на самом Кавказе – на берегах Терека. Его главная задача состояла уже непосредственно в предотвращении и, по возможности, в обеспечении военной безопасности приграничных районов уже за пределами собственно России» [4].

По причине отсутствия у государства достаточных сил и средств, нужных для охраны и обороны южных рубежей, Московское царство всемерно поощряло казачью активность на кавказском направлении. В этом смысле показательна, например, поддержка Иваном Грозным гребенских казаков, основавших в устье Сунжи Терский городок. На протяжении долгого времени эта крепость играла роль передового оборонительного форпоста России, задача которого заключалась в мониторинге военно-политической ситуации в регионе и недопущении внезапных нападений на Русскую землю. Значение Терского городка подтверждается и тем, что его существование на территории, фактически находившейся под властью Турции, в 1571 году едва не спровоцировало русско-турецкую войну.

Османская империя имела собственные интересы на Кавказе и в частности в Кабарде, считая её подвластной себе, и поэтому не могла мириться с российским протекторатом над ней. Лишь прямая угроза войны со стороны Порты заставила русское правительство разрушить казачий Терский городок. Однако уже в 1578 году он был восстановлен и затем продолжал нести функцию сторожевой заставы России. В этом шаге московского правительства проявилось стремление отражать турецкую агрессию и нападения подвластных ей сил уже за пределами Русской земли.

Ещё одно направление российской политики на Кавказе предполагало налаживание и расширение связей с народами и государственными структурами региона. Во взаимоотношениях с самими кавказскими правителями царское правительство с самого начала придерживалось достаточно сдержанной линии, которая выражалась в стремлении установить и поддерживать с ними контакты. Показательна в этом плане особая дипломатическая связь с монархом самого крупного и влиятельного грузинского царства – Кахетии (в русских документах того времени – Иверская земля) – царём Александром II, подписавшим прошение о переходе своего царства в полное подданство московского государя. Причём инициатива подданства исходила от самого царя Александра, который пытался использовать Московское царство для освобождения Кахетии от персидского господства и недопущения её аннексии Османской империей. Однако направленная для достижения этой цели военная экспедиция под руководством воеводы А. Хворостина [5] не смогла добиться поставленных задач, потерпев поражение от объединённых войск горцев Северного Кавказа.

Стало очевидно, что Московское государство в конце XVI века было ещё неспособно обеспечивать вооружённый протекторат на таком отдалении, как Кахетия. Тем не менее, этой военно-политической акцией Россия обозначила свои позиции и интересы на Кавказе, а в полном титуле царя Фёдора Иоанновича уже появился титул «государя земли тверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей» [6].

Борис Годунов, несмотря на сложную внутреннюю обстановку в стране, продолжил линию на развитие отношений и помощь отдельным грузинским государствам, в том числе Кахетии. В 1604 году им была вновь направлена военная экспедиция в Тарки во главе с воеводами И. М. Бутурлиным и В. Т. Плещеевым.

При этом её цели были аналогичны предыдущей кампании – завоевание Тарковского шамхалата. Отряду под началом И. М. Бутурлина пришлось в Дагестане столкнуться уже непосредственно с турецкими частями, с помощью которых горцы нанесли ему полное поражение. Характерно, что причиной провала второй экспедиции на Кавказ, как и в предыдущем случае, стало несвоевременное оказание военной поддержки со стороны кахетинского царя. Для правителей региона, оказывавшихся между двух огней – Турции и Персии, уже тогда была типична практика решать свои проблемы с помощью внешней военной силы, и эта роль предназначалась России.

Последующие события в Кахетии (убийство царя Александра и переориентация захватившего трон его сына Константина на Персию) временно ослабили российско-кахетинские и в целом российско-кавказские политические связи. Проблемы последующего развития России, связанные с преодолением Смуты, сделали эти связи ещё слабее, однако не остановили её военно-политическую экспансию на Кавказ.

В целом для русско-кавказских политических отношений того периода характерными чертами были фрагментарность и эпизодичность, а также то, что они, как правило, выстраивались не под эгидой центрального правительства, а на местном или приграничном уровне. Основной упор во внешнеполитической деятельности России на кавказском направлении делался на противодействие военной экспансии Турции путём установления и развития торгово-экономических и военно-политических связей с народами и государственными образованиями региона, а также на создание военно-политического «союза» с Персией, для которой доминирование Османской империи в регионе было столь же опасным, что и для России.

Турция, например, стремилась установить свой протекторат над всем Закавказьем и Дагестаном, находившимися в

вассальной зависимости от Персии, а также взять под контроль транзит шёлка и других товаров из Персии и Индии в Европу. К России же выдвигались требования восстановить Астраханское ханство и не вмешиваться в кавказские дела. Поэтому российско-персидский союз был взаимовыгоден. О его значении говорит, к примеру, тот факт, что ещё в 1586 году шах Ирана Годабенд, после очередного поражения Персии, пообещал московскому царю города Баку и Дербент (в обмен на военную поддержку), а его сын шах Аббас Великий, кроме того, уступал России также и Кахетию» [7] с единственным условием – чтобы они не отошли к Турции. Итак, главные цели экспансии Российского государства на Кавказе в XVI-XVII веках диктовались его жизненно важной потребностью в военной безопасности, что представляло собой задачу стратегического порядка. Не менее значимой была и задача прорыва блокады на кавказском направлении. Эта цель достигалась путём установления дипломатических и иных контактов с рядом кавказских государственных образований и развития торгово-экономического альянса с Персией, чтобы уравновесить военную мощь Османской империи в регионе.

Все перечисленные шаги русского правительства на Кавказе знаменовали собой лишь поиск путей к решению главной задачи – полноценному утверждению России в регионе. Однако из-за недостатка сил и средств, а также собственной уязвимости на этом направлении, эти шаги носили не системный, а спорадический характер.

Новый импульс военная политика России на Кавказе приобрела только в эпоху Петра I. В его царствование вновь восстанавливаются политические связи с Кабардой. В частности, в 1711 году Пётр I в своей грамоте кабардинским князьям документально подтвердил российское покровительство над ними» [8]. Позже протекторат России распространяется и на Осетию. Устанавливаются также политические контакты Петер-

бургского двора с целым рядом северокавказских правителей.

Таким образом, экспансия Российского государства на Кавказе, беря начало в его центральной части, постепенно распространялась на периферию, к каспийскому и черноморскому побережьям. Перспективным направлением военной политики России в этой ситуации становился Дагестан, вдоль каспийского берега которого проходил так называемый «Малый шёлковый путь» – важнейшая торговая магистраль, соединявшая индийские и персидские рынки с европейскими. Ещё в 1667 году был подписан первый торговый договор между русским правительством и представителями

«джульфинской торговой компании» [9, С. 232], который закреплял торгово-экономические отношения между Россией и Персией. В 1673 году этот договор был вновь подтверждён, а в 1717 году русский посланник в Персии А. П. Волынский заключил русско-персидское соглашение, по которому русские купцы получали право свободно торговать на персидской территории. И хотя эти акты ещё не давали основания перевести отношения России с Персией в формат союзничества, тем не менее можно утверждать, что торгово-экономический альянс России с Ираном сыграл положительную роль в последующем утверждении её позиций в данном регионе

Список источников и литературы

1. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 24–43.
2. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. – М., 1958. – С.21.
3. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. – Ставрополь: «Кавказский край», 1994. – Т. 1. – 672 с.
4. Акты, относящиеся к истории Войска Донского. – Новочеркасск, 1902; Гнеденко А. М., Гнеденко В. М. Задруги своя или все о казачестве. – М., 1993, Потто В. А. Два века терского казачества (1571–1801гг.): Репринт. воспроизв. Издание 1912 г. – Ставрополь, 1991; Родоная С. Э. Борьба донского казачества с турецко-татарской агрессией в первой половине XVII века и его взаимоотношения с Грузией. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955.
5. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокуровым. Вып. 1, 1517-1613. – М., 1889. – 584 с.
6. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т.7-8 /Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – М: Мысль, 1989. – С. 269. ЦГАДА. Ф. Сношения России с Грузией, 1596-1597 гг. Н 1. Л. 1-110.
7. Полиевктов М.А. Материалы по грузино-русским отношениям. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1937. – 588 с.
8. РГАДА. Ф. 115. Кабардинские дела. 1719. № 1. Л. 1; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: В 2-х т. М., 1957. Т. 1. С. 3.
9. Кунакова Н.П. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки / Отв. ред. А. Л. Сидоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 57. – С. 232.

Воротыло Александр Григорьевич – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), vag.69@mail.ru

Семин Владимир Юрьевич – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), v.u.semin@mail.ru

Трофимов Антон Юрьевич – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), K06ra@mail.ru

THE NORTH CAUCASUS AS A HISTORICALLY IMPORTANT GEOSTRATEGIC AND ECONOMIC REGION AFFECTING THE SECURITY OF RUSSIA'S SOUTHERN BORDERS

A. G. Vorotylo, V. Yu. Semin, A. Yu. Trofimov

The article examines the historical significance of the North Caucasus region for Russia.

Throughout almost its entire history, the Caucasus has been objectively involved in processes of geopolitical and, above all, military-political expansion. The logic of struggle compelled Russia to strive for the establishment of stable borders that could be defended. The most important dominant feature of Russian policy was the aspiration to eliminate sources of threat from the Caucasian direction. This was the essence of all of Russia's Caucasian policy for centuries. It remains so to the present day.

Keywords: Russia, North Caucasus region, Europe, Central Asia, Mediterranean Sea, Suez Canal, Strait of Gibraltar, Sea of Azov, Caspian Sea, Black Sea, China, Persia, India, Turkey, Ivan the Terrible, Kabardian Temryukovich family, Peter the Great, Crimean Khanate, Ukraine, Poland, Sunzha River, Don River, Volga River.

References

1. Avramenko A.M., Matveev O.V., Matyushchenko P.P., Ratushnyak V.N. Ob ocenke Kavkazskoj vojny s nauchnykh pozicij istorizma [On the Assessment of the Caucasian War from the Scientific Standpoint of Historism] // Kavkazskaya vojna: uroki istorii i sovremennost'. Materialy nauch. konf. g. Krasnodar, 16–18 maya 1994 g. [The Caucasian War: Lessons of History and Modernity. Materials of the Scientific Conference, Krasnodar, May 16–18, 1994]. – Krasnodar, 1995. – pp. 24–43. (In Russ.)
2. Smirnov N. A. Politika Rossii na Kavkaze v XVI-XIX vekakh [Russia's Policy in the Caucasus in the 16th–19th Centuries]. – Moscow, 1958. – p. 21. (In Russ.)
3. Potto V. A. Kavkazskaya vojna: V 5 t. [The Caucasian War: In 5 vols.]. – Stavropol': "Kavkazskij kraj", 1994. – Vol. 1. – 672 p. (In Russ.)
4. Akty, odnosyashchiesya k istorii Vojska Donskogo [Acts Relating to the History of the Don Army]. – Novocherkassk, 1902; Gnedenko A. M., Gnedenko V. M. Zadrugi svoya ili vse o kazachestve [One's Own Homesteads or All About the Cossacks]. – Moscow, 1993; Potto V. A. Dva veka terskogo kazachestva (1571–1801 gg.): Reprint. vosproizv. Izdanie 1912 g. [Two Centuries of the Terek Cossacks (1571–1801): Reprint Reproduction of the 1912 Edition]. – Stavropol', 1991; Rodonaya S. E. Bor'ba donskogo kazachestva s turecko-tatarskoj agressiej v pervoj polovine XVII veka i ego vzaimootnosheniya s Gruziej [The Struggle of the Don Cossacks against Turkish-Tatar Aggression in the First Half of the 17th Century and Their Relations with Georgia]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Author's Abstract of PhD Dissertation]. – Tbilisi, 1955. (In Russ.)
5. Belokurov S. A. Snosheniya Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlechenye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del S. A. Belokurovym. Vyp. 1, 1517-1613 [Russia's Relations with the Caucasus: Materials Extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs by S. A. Belokurov. Iss. 1, 1517-1613]. – Moscow, 1889. – 584 p. (In Russ.)
6. Solov'ev S. M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. IV. Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen. T.7-8 [Works. In 18 books. Book IV. History of Russia from Ancient Times. Vols. 7-8] / Ed. by I.D. Koval'chenko, S. S. Dmitriev. – Moscow: Mysl', 1989. – p. 269. (In Russ.) TsGADA. F. Snosheniya Rossii s Gruziej, 1596-1597 gg. N 1. L. 1-110. (In Russ.)
7. Polievktov M. A. Materialy po gruzino-russkim otnosheniyam [Materials on Georgian-Russian Relations]. – Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo gos. un-ta, 1937. – 588 p. (In Russ.)
8. Russian State Archive of Ancient Acts F. 115. Kabardinskie dela. 1719. No. 1. L. 1 (In Russ.); Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XYIII vv.: V 2-kh t. [Kabardian-Russian Relations in the 16th-18th Centuries: In 2 vols.]. – Moscow, 1957. – Vol. 1. – p. 3. (In Russ.)

9. *Kunakova N. P.* Russko-iranskije trgovye otnosheniya v konce XVII – nachale XVIII v. [Russian-Iranian Trade Relations in the Late 17th – Early 18th Century] // *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes] / Ed. by A. L. Sidorov. – Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1956. – Vol. 57. – p. 232. (In Russ.)

Vorotylo Alexander Grigorievich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), vag.69@mail.ru

Semin Vladimir Yuryevich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), v.u.semin@mail.ru

Trofimov Anton Yuryevich – researcher at the Scientific Research Laboratory, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), K06ra@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 28.04.2026; принята к публикации: 21.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Воротыло А. Г., Семин В. Ю., Трофимов А. Ю. Северный Кавказ исторически важный геостратегический и экономический регион, влияющий на безопасность южных рубежей России // *Социогуманитарные коммуникации*. – 2026. – № 2(16). – С. 20-27.

FOR CITATION:

Vorotylo A. G., Semin V. Yu., Trofimov A. Yu. Severnyj Kavkaz istoricheski vazhnyj geostrategicheskij i ekonomicheskij region, vliyayushchij na bezopasnost' yuzhnyh rubezhej Rossii [The North Caucasus as a historically important geostrategic and economic region affecting the security of Russia's southern borders] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 20-27.